

**А. А. Бурыкин, С. И. Шарина. Эвенский язык. Фонетика.
Графика и орфография. Морфология.
Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.**

Данилова Надежда Ивановна, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); nadiv2008@mail.ru

Введение. Издание научной грамматики эвенского языка — важное событие не только в изучении миноритарных языков, но и в лингвистике в целом. Теоретическая и практическая значимость данного труда обусловлена рядом очевидных причин. Во-первых, в настоящее время совершенно определенно можно констатировать, что давно назрела необходимость создания работы, представляющей собой полное описание фонологической системы и морфологического строя эвенского языка с учетом современных достижений и теоретических подходов в данной области. Ничуть не умаляя важность морфологической характеристики эвенского языка, приведенной в этом издании, представляется необходимым подчеркнуть особую актуальность системного описания графики и орфографии эвенского языка и установления главных принципов правописания, основанных на современной теории письма. Во-вторых, идеи и рассуждения авторов монографии, являющиеся результатом многолетних непосредственных научных наблюдений, в том числе полевых, по своей сути имеют программный характер. Они показывают перспективы исследования языков народов Севера в рамках современных научных направлений и парадигм с ориентацией на идею о системности и функциональности языкового строя. В-третьих, изданная книга, безусловно, может послужить фундаментальной методологической базой для разработки эффективных методик обучения как письменному, так и разговорному эвенскому языку на всех уровнях и в различных формах его преподавания. Все это в конечном счете связано с вопросом полноценного функционирования и сохранения эвенского и языков других малочисленных этносов Сибири и Дальнего Востока.

Краткая характеристика глав. Книгу предваряет небольшое **Предисловие**, в котором обоснована актуальность описания строя эвенского языка, основанного на современных научных подходах и теориях. В работе отмечается, что со дня издания грамматики, принадлежащей перу известного языковеда и этнографа В. И. Цинциус, прошло более 70 лет, поэтому «главная задача, которую ставят перед собой авторы, — привести описание и характеристику алфавита, графики и орфографии эвенского языка к тому уровню, который отвечал бы современной теории письма, создаваемой на материале русского и европейских языков» [Бурыкин, Шарина 2021: 10].

Обсуждаемая научная грамматика эвенского языка состоит из трех логично расположенных глав: первая глава посвящена фонетике, вторая — графике и орфографии, третья — морфологии. Глава первая, «Фонетика», в которой дается описание фонологической системы эвенского языка, представляется особо важной не только для эвенского, но и для других миноритарных языков России. Она открывается разделом об истории изучения вопроса, в котором подвергнуты анализу соответствующие работы по теме. Вокалический и консонантный строй эвенского языка представлены в виде системы противопоставленных друг другу по определенным объективным признакам фонем. При этом в основу систематизации эвенских гласных положены пять различительных признаков: ряд, подъем, лабиализация, долгота — краткость, фарингализованность — нефарингализованность [там же: 25]. Автор раздела, А. А. Бурыкин, подчеркивает, что «признак долготы — краткости, характерный для всех тунгусо-маньчжурских языков, играет важную роль в фонологической системе эвенского языка, как и признак лабиализации» [там же: 26]. Здесь же внимание уделено сингармонизму гласных, который в эвенском языке имеет палатальный характер, а существующие ограничения на употребление лабиализованных гласных «регулируют распределение эвенских гласных внутри словоформы» [там же: 38]. Описание системы эвенского консонантизма исходит из оппозиций согласных по признакам шумности-сонорности, места и способа образования и глухости-звонкости или напряженности-ненапряженности. Как известно, в эвенском языке действуют ограничения на сочетаемость не только гласных, но и согласных, поэтому глава содержит специальный раздел «Сочетаемость согласных фонем». В нем дано описание трех возможных типов такой со-

четаемости: как внутри, так и на стыке морфем; только на стыке морфем; только внутри морфемы [там же: 46]. В этой части грамматики также ставятся важные вопросы членения речевого потока на слоги, соотношения слоговой и морфемной структуры слова.

В главе своевременно обсуждается проблема орфоэпии, предлагаются критерии нормативной оценки особенностей произношения в устной речи. Здесь также рассмотрена актуальная и принципиально важная для младописьменных языков проблема соотношения транскрипции и письма.

Вторая глава, «Графика и орфография», основана на положении о системных связях фонологии, графики и, далее, орфографии. В разделе о письменной форме языка и ее специфике авторы подчеркивают, что для языков малочисленных народов Севера, в частности для эвенского, письменность была создана сравнительно недавно. В монографии разработаны и предложены также важные для младописьменных языков лингвистические основы совершенствования методики обучения нормативному письму.

Третья глава научной грамматики посвящена описанию морфологической системы, которая представлена в виде взаимосвязанных парадигматических и функциональных отношений частей речи и их форм. Описание знаменательных и служебных частей речи дано на материалах ольского и других говоров восточного наречия эвенского языка, а для сравнения приводятся материалы среднего и западного наречий. Дана характеристика имен существительных в формах числа, падежа, принадлежности, системы числительных. Раздел «Глагол» написан более подробно — здесь рассмотрены наклонения, залоги, виды глагола. Времена глагола представлены с точки зрения традиционного подхода — в рамках системы из семи наклонений, имеющих временные формы. В разделе «Причастие в эвенском языке» зафиксированы его предикативное и атрибутивное употребление, а также причастные формы, представленные в говорах. Отдельно приведены деепричастия эвенского языка с примерами употребления, отмечаются их функциональные особенности. Неизменяемым частям речи — наречию, служебным словам, послелогам, союзам, частицам — также отведен специальный раздел.

Общее обсуждение. Рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков потому, что в ней затрагиваются проблемы, которые если и ставились, то до сих пор не решены. Это прежде всего проблема графики и орфографии. К первым известным и наиболее полным исследованиям эвенского языка, несомненно, относятся очерки В. И. Цинциус и К. А. Новиковой. Так, «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Часть 1» В. И. Цинциус был издан в 1947 г. и преследовал сразу две цели: «восполнить пробел в области теоретической, и (...) восполнить такой же пробел в области практической» [Цинциус 1947: 3]. Во вводной части этой работы приведены сведения об эвенах, обзор литературы по их языку и его общая характеристика. Первый раздел очерка содержит описание фонетического строя, приводятся сведения о графике и орфографии. При этом «уделяется значительное внимание главнейшим фонетическим закономерностям эвенского языка» [там же]. Второй раздел посвящен описанию частей речи, словоизменению и словообразованию с приложением перечня суффиксов и частиц. Очерк был задуман как первая часть полного грамматического описания, но вторая часть, посвященная синтаксису, так и не увидела свет. Вторым научным описанием эвенского языка явилась работа К. А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть 1», изданная в 1960 г. Она содержит сведения о фонетике и морфологии имени. В 1980 г. была издана вторая часть, содержащая описание глагола, служебных частей речи, образцы текстов на ольском говоре и глоссарий. Основным источником для обеих частей работы послужили текстовые, словарные и грамматические материалы, собранные автором во время неоднократных экспедиционных поездок, а также другие труды и источники. К. А. Новикова отмечает, что «в области морфологии глагола ольский говор не имеет существенных отличий от других диалектных групп эвенского языка. Состав грамматических категорий является общим для всех говоров» [Новикова 1980: 5]. В целом обе работы позволяют получить общее представление о фонетическом и морфологическом строе эвенского языка на примере ольского говора. Несмотря на то, что исследование языка эвенов Якутии было начато сбором сведений о нем в XVIII в., «начало (...) систематическому изучению и анализу говоров и диалектов (...) положено в 30-е годы XX в.» [Сулейманов 2021: 86]. Было издано известное описание языка эвенов В. Г. Богораза, продолженное работами В. И. Цинциус, К. А. Новиковой, Л. Д. Ришес. Но в целом уровень и возможности исследований того времени не позволили решить вопросы графики и орфографии с опорой на теорию письма. Кроме того, в тот период на первом плане стояли задачи ликвидации безграмотности и создания письменности, т. е. практические задачи, требующие быстрого решения.

Учитывая это, значительным достижением авторитетного и опытного исследователя А. А. Бурыкина следует считать предложенное им систематическое научное обоснование фонематического принципа ныне действующей эвенской графики и орфографии эвенского языка, который соответствует существующим на сегодняшний день условиям его функционирования. Это позволило выработать правила

обозначения фонем на письме и чтения эвенских букв, а также научно обоснованные, наиболее приемлемые нормы эвенской орфографии — правила правописания слов и грамматических форм. При этом кажется не лишенной справедливости критика сложившейся практики обучения письму на этих языках, которая ориентирована прежде всего «на писание под диктовку и чтение вслух» [Бурыкин, Шарина 2021: 101]. Кроме того, автор правомерно предлагает фонематический принцип графики считать основанием для кодификации орфоэпических норм эвенского литературного языка.

Одним из достоинств работы является описание изменений в графике эвенского языка, наблюдаемых на всем протяжении его письменного функционирования. Эти трансформации, которые важны для разработки принципов и поиска путей усовершенствования графики младописьменных языков, не были отражены в предыдущих трудах по эвенскому языку и истории письменности народов Севера. Между тем опыт распространения письменности на языках малочисленных народов Севера показывает, что ныне используемый ими фонематический принцип графики и орфографии, основанный на традициях русской графики, не в полной мере учитывает ситуацию двуязычия и многоязычия и, самое главное, — активное интерференционное воздействие письменной формы русского и других языков межэтнического общения на графику и орфографию языков этнических меньшинств. Авторы грамматики отмечают, что для эвенского языка одной из проблем графики и орфографии, кроме недостаточной изученности его звукового строя, является «применение <...> букв для йотированных гласных и их использование для обозначения определенных типов согласных подобно тому, как в русском языке при помощи этих букв изображаются на письме палатализованные (мягкие) согласные» [там же: 167]. В целом отступления от принятого фонематического принципа эвенской графики представлены четырьмя группами случаев, которые подробно рассмотрены авторами [там же: 169—173].

Тот факт, что на основе данной графики в настоящее время ведется активная издательская деятельность в Магаданской области, на Чукотке, в Хабаровском крае, в Республике Саха (Якутия) — издаются учебные пособия, словари различного типа и объема, художественная литература, — является достойным ответом на требования некоторых сторонников внедрения новой графики во все сферы использования эвенского языка. Эти требования часто сопровождаются утверждениями о якобы «несовершенстве» и недостатках действующей эвенской графики. Практика показывает, что разнообразные реформаторские инициативы в области эвенской письменности, наблюдаемые до сих пор в разных пользовательских средах, далеки от реальности и несостоятельны в научном отношении.

Это позволяет считать, что авторы представленной грамматики имели веское обоснование для значительного внимания к прикладным вопросам эвенского языка. Так, глава «Графика и орфография» занимает почти треть объема книги. Глава «Фонетика», меньшего объема (84 страницы), дает описание звукового строя эвенского языка, основанное только на полевых материалах авторов. Это объясняется тем, что эвенский язык, согласно принятой в настоящее время классификации, состоит из более чем 20 заметно различающихся между собой говоров и диалектов. Но, к сожалению, современное состояние языка и отсутствие возможности тщательного экспериментально-фонетического изучения с применением современных методов исследования и аппаратуры вынудило авторов ограничиться «описанием фонетики эвенского языка, основанным на данных слухового анализа» [там же: 9]. Объем главы «Морфология», безусловно, мог быть больше, но, по признанию авторов, инвентарь морфологических форм письменного языка оказывается несколько более узким, нежели инвентарь морфологических форм ольского и других говоров восточного наречия.

В обсуждаемой грамматике эвенского языка представляет большой интерес собственный подход авторов к расположению разделов, обусловленный особенностями его морфологического строя. Так, кажется правомерным, что авторы монографии сочли «более целесообразным поместить разделы о фонологической структуре корневых и аффиксальных морфем после характеристики типов слогов и соотношения слоговых и морфемных границ» [там же: 74] в разделе «Фонетика», учитывая наличие в эвенском языке неодносложных корневых и аффиксальных морфем. В традиционных грамматических описаниях, как известно, структура морфем помещается в разделе «Морфология». Далее, в монографии «как единственная и наиболее эффективная возможность обучения нормативному эвенскому произношению» предлагается обучение с учетом закономерностей звукового строя орфоэпических норм [там же: 88].

Раздел «Морфология» также обладает рядом несомненных достоинств. В грамматических описаниях эвенского языка традиционно различались морфологические классы имен и глаголов по ауслатной характеристике основы. Это следующие типы основ: с конечным гласным, с конечным согласным (кроме *-н*), с конечным *-н* и основы с аффиксом множественного числа на *-л* и *-р* [Цинциус 1947: 84, 87; Новикова 1960: 123]. В монографии приведен максимально возможный полный перечень имен и глаголов «с основой на *-н*, которые изменяются по типу основ с конечным согласным» [Бурыкин, Шарина 2021: 376]. Это сделано потому, что «основы данных слов, в отличие от исконных основ на *-н*, в эвенском языке утратили

конечный гласный» [там же: 226]. Данный перечень основ, в который вошли существительные и прилагательные, а также глаголы, помещен в приложении к монографии. Кроме того, части речи представлены в аспекте их живого функционирования в речи носителей. Так, приведены их некоторые функциональные особенности. Примечательно, что падежные формы подразделены на падежи постоянного употребления и редко используемые; к периферии системы отнесены падежи вторичной пространственной ориентации [там же: 231]. Значимым вкладом авторов в изучение эвенской морфологии можно считать приведенные подробные иллюстрации согласования прилагательных с существительными в каждой из 8 падежных форм: именительном, винительном, дательном, направительном, местном, продольном, отложительном, творительном падежах. Авторы объясняют это тем, что «в предшествующих описаниях количество примеров на согласование прилагательных с существительными, почерпнутых из аутентичных источников, было явно недостаточным» [там же: 233]. К примеру, в работе В. И. Цинциус отмечалось, что «в литературном эвенском языке принято прилагательное в роли определения согласовывать с существительным-определяемым в лице и падеже» и в качестве иллюстративного примера приводился текст одного стихотворения и таблица склонения прилагательного с существительным по 11 падежным формам [Цинциус 1947: 116—117]. К. А. Новикова также указала, что «определение, выраженное именем качественным, количественным, причастием и указательным местоимением, согласуется с определяемым, как правило, во всех падежах» [Новикова 1960: 224], и привела три иллюстративных примера. Такие иллюстрации важны и по той причине, что «даже в самых ранних материалах по эвенскому языку нет последовательности в согласовании прилагательных и причастий с именами существительными в падеже и числе» [Бурыкин, Шарина 2021: 236].

Авторы грамматики подтверждают положение о том, что «так называемое настоящее время в эвенском языке не является такой формой времени, которая обозначает совершение действия в момент речи» [там же: 282]. Этот тезис ранее был изложен в работах известного исследователя В. А. Роббека, который рассматривал глагольные грамматические категории в эвенском языке с функционально-семантической точки зрения, что позволило ему представить «в изъявительном наклонении 12 видовременных форм, 6 из которых имеют по два подтипа. Это прошедшее, настоящее и будущее морфологически и лексически предельных глаголов, а также процессуальных морфологически и лексически непредельных глаголов. Это дает основание выделить всего 18 аспектуально-временных форм, расположенных в трех временных рядах» [Роббек 1992: 44]. В целом он считал, что данные формы «представляют собой семантические категории, в которых тесно взаимосвязаны элементы временные, аспектуальные и семантика основы глагола» — предшествование, одновременность, следование, локализованность, перфектность. В обсуждаемой работе, поскольку она задумана как традиционная, в главе «Морфология» дается описание формального строя эвенского языка — система морфологических категорий и их формального представления по частям речи. К примеру, дано описание времен в пределах изъявительного наклонения, а также семи наклонений, каждое из которых имеет особую парадигму спряжения. По этой причине система времен эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте, в частности в соотношении с семантическими признаками предшествования, одновременности, следования, локализованности/не локализованности, перфектности, не рассмотрена. Авторы грамматики подошли к интерпретации залоговых форм с точки зрения характеристики актантной структуры глагольного предиката высказывания [Бурыкин, Шарина 2021: 303]. Так, подчеркивается, что «единственным условием преобразования активной конструкции в пассивную является наличие субъекта и объекта», выраженных именем с активной функцией. Указано также, что существуют другие подходы к интерпретации залоговых форм эвенского глагола. Действительно, известны специальные исследования В. А. Роббека, в которых он подчеркивал «взаимосвязь грамматических, словообразовательных, лексико-синтаксических и лексических средств выражения залоговых значений», рассматривая их исходя из категории переходности/непереходности [Роббек 1992: 3]. Вид глагола представлен в контексте аспектуальных отношений с учетом его лексико-грамматических особенностей, т. е. определен как категория, квалифицирующая типы и способы действия «по слово-/формообразовательному характеру грамматического показателя, который проявляется прежде всего в ограниченной или неограниченной сочетаемости с глагольными лексемами» [Бурыкин, Шарина 2021: 308]. Применяя такой подход, авторы включили в перечень, кроме 23 форм видов и способов действия, 8 ранее не отмеченных форм выражения характера протекания действия эвенского глагола [там же: 326]. Это видовые и глагольные формы, выражающие характер протекания действия, которые не попали в список аспектуально-временных форм изъявительного наклонения, приведенный В. А. Роббеком [Роббек 2007: 44—70]. Они представлены как видовые, исходя из формообразующего характера грамматического показателя, а также ввиду того, что «описание (...) системы способов глагольного действия еще далеко от полноты» [Бурыкин, Шарина 2021: 325]. Примечательно, что отдельным списком приведены 10 значений, в основу которых положены семантические признаки

кратности, длительности, интенсивности и т. д. [там же: 327]. Судя по описанию, некоторые формы, в зависимости от лексического значения глагольной основы и семантических свойств актантов ситуации, могут выступать в качестве морфологических средств выражения таксиса, результативности действия и т. д.

Интересным представляется заключение главы «Морфология», где отмечается, что инвентарь морфологических форм письменного языка оказывается более узким, чем в ольском говоре и в других говорах восточного наречия. Например, морфологический строй письменного эвенского языка характеризуется наличием 13 падежных форм, в говорах отмечается до 15 форм; категория времени глагола в письменном языке имеет формы настоящего, прошедшего и будущего времени, в говорах — две формы будущего времени; при описании категории наклонения в эвенских говорах обнаруживаются до четырех форм повелительного наклонения, две формы так называемого «предостерегательного». Данные выводы достаточно полно иллюстрированы полевыми материалами авторов по разным наречиям эвенского языка. Это дает авторам повод утверждать, что «письменный эвенский язык на уровне грамматики отличается от устной формы восточного наречия и существует как самостоятельная языковая форма, имеющая собственный инвентарь форм и собственную стилистическую систему» [там же: 370].

В целом глава, посвященная морфологии, показывает, что материал эвенского языка представляет большой интерес и перспективы для функционально-семантических и типологических исследований.

Обсуждаемая научная грамматика эвенского языка, кроме указанной выше безусловной актуальности, отличается тем, что в ней выявлены и введены в научный оборот многие ранее не зафиксированные явления эвенского языка. Авторы на реальном материале доказали статус формы назначительного падежа, употребляемого исключительно в притяжательном склонении. В перечень разрядов местоимений включены притяжательные местоимения, характерные для диалектов восточного наречия эвенского языка. Авторы отмечают, что «существование отдельного разряда притяжательных местоимений является характерной чертой диалектов восточного наречия эвенского языка, отличающей эти говоры от западных диалектов, где эти местоимения отсутствуют и в их функции выступают личные местоимения» [там же: 244]. Придание этим формам статуса отдельного разряда местоимений аргументируется тем, что они «выступают как самостоятельный разряд со своими специфическими чертами (формы множественности, парадигма склонения)» [там же: 247].

Зафиксированы также пять причастных форм, присутствующих в известных текстах на эвенском языке, но не отмеченных в грамматиках: впервые выделяются причастие очевидности действия с суффиксом *-тна/-тнэ*, причастие обычно совершаемого действия с суффиксом *-вки*, причастие возможного действия на *-ука/-укэ* и т. д. [там же: 336—339]. Также впервые выявлены: форма многократного действия с суффиксом *-ру*, форма неопределенной многоактности действия и т. д., которые в предыдущих описаниях грамматики эвенского языка не отмечались [там же: 322—323]. В грамматическую систему эвенского языка впервые включена форма с суффиксом *-уа/-уэ*, названная деепричастием невозможности/нежелания совершать действие, которая ранее исследователями не классифицировалась как деепричастие [там же: 353—356].

Книга снабжена необходимыми для грамматических описаний тщательно составленными таблицами, которые демонстрируют структуру и закономерности языковых явлений и представляют ценность как для исследователей, так и для изучающих эвенский язык. К примеру, представлены матрица и подробное описание закономерностей сочетаемости согласных в эвенских словах, содержащие исчисление всех допустимых сочетаний. В конце раздела «Морфология» продемонстрировано суммарное линейное распределение показателей семантических категорий эвенского глагола. Самым ценным демонстрационным материалом книги является приложение под названием «Грамматико-орфографический справочник по эвенскому языку (Таблицы)». Оно содержит таблицы образования притяжательных форм имен существительных, склонения имен существительных, местоимений, числительных, спряжения глаголов, образования деепричастных форм и т. д., которые дают наглядное представление о нормативных написаниях грамматических форм на стыке морфем. Составление таблиц, конечно, потребовало от авторов большого объема предварительного анализа.

Научная грамматика эвенского языка написана на обширном материале эвенского фольклора (в основном его малых жанров), письменных текстов разного диалектного происхождения, художественных произведений. Значительное место занимают полевые материалы авторов по эвенским диалектам восточного и западного наречий.

Хотя авторы отмечают, что в настоящее время очень трудно обнаружить информанта, владеющего аутентичной речью, результаты собственных полевых исследований и ранее выполненных экспериментов позволили им в первой части грамматики представить подробную научно обоснованную характеристику фонологической системы эвенского языка. Необходимо отметить, что в сложных условиях, когда

многие носители эвенского языка не владеют аутентичной речью, авторы продемонстрировали особый дар восприятия речи и ее фонологической интерпретации.

Текст монографии отвечает требованиям к структуре и форме изложения результатов научного исследования. Обязательные элементы справочно-сопроводительного аппарата — прикижная аннотация с читательским адресом, библиографический список, список условных сокращений, приложения — оформлены методически верно и согласно принятым нормативам.

Замечания. Подчеркивая актуальность издания и в целом высокий теоретический уровень исследования, мы в то же время считаем важным отметить следующее:

— хотя описание морфологической системы эвенского языка дано с привлечением современных теорий, в большей части семантических, все примеры на эвенском языке представлены в текстовом виде. Использование методов поморфемного глоссирования или транскрипции облегчило бы их понимание для компаративистов и типологов;

— разделы главы «Морфология» кажутся неравномерными с точки зрения ее структуры. Бесспорно, глагол и его категории представляют собой семантически объемный и потому интересный материал, но описание именных частей речи тоже можно было бы расширить — в частности, описанием семантики падежей.

Заключение. Монография «Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология» представляет собой фундаментальное грамматическое описание и выполнена качественно как с научной, так и с редакторской точки зрения. Многие ее положения, в особенности те, которые касаются принципов графики и орфографии, имеют программный характер и могут послужить теоретическим обоснованием для разработки и усовершенствования письменностей языков народов Севера. Право на такое утверждение дает высокий теоретический уровень и научный авторитет ее авторов — это ведущий специалист по языкам, культуре, истории народов Сибири и Дальнего Востока А. А. Бuryкин и известный эвеновед С. И. Шарина. Издание вызовет интерес прежде всего лингвистов — специалистов как по миноритарным, так и по другим языкам. Оно будет востребовано педагогами и учащимися средней и высшей школы, а также всеми, кто неравнодушен к судьбе эвенского языка.

Литература

Бuryкин, Шарина 2021 — А. А. Бuryкин, С. И. Шарина. Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021.

Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.

Новикова 1980 — Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Ленинград: Наука, 1980.

Роббек 1992 — В. А. Роббек. Грамматические категории эвенского глагола. СПб.: Наука, 1992.

Роббек 2007 — В. А. Роббек. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007.

Сулейманов 2021 — А. А. Сулейманов. Академия наук и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг. Новосибирск: Наука, 2021.

Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.

References

Burykin, Sharina 2021 — A. A. Burykin, S. I. Sharina. Ehvenskii yazyk. Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya. Novosibirsk: Nauka, 2021. {A. A. Burykin, S. I. Sharina. Even language. Phonetics. Graphics and Orthography Morphology. Novosibirsk: Nauka, 2021.}

Novikova 1960 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov ehvenskogo yazyka: Ol'skii govor. Ch. 1. Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1960. {K. A. Novikova. Essays on the dialects of the Even language: Olsky dialect. Part 1. Moscow; Leningrad: Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.}

Novikova 1980 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skij govor: glagol, sluzhebynye slova, teksty, glossarij. Leningrad: Nauka, 1980. {K. A. Novikova. Essays on the dialects of the Even language. Olsky dialect: verb, service words, texts, glossary. Leningrad: Nauka, 1980.}

Robbek 1992 — V. A. Robbek. Grammaticheskie kategorii ehvenskogo glagola. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. {V. A. Robbek. Grammatical categories of the Even verb. Saint Petersburg: Nauka, 1992.}

Robbek 2007 — V. A. Robbek. Grammaticheskie kategorii ehvenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte. Novosibirsk: Nauka, 2007. {V. A. Robbek. Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Suleimanov 2021 — A. A. Suleimanov. Akademiya nauk i issledovanie arkticheskikh raionov Yakutii v kontse 1940-kh — 1991 gg. Novosibirsk: Nauka, 2021. {A. A. Suleymanov. Academy of Sciences and Research of the Arctic Regions of Yakutia in the Late 1940—1991 years. Novosibirsk: Nauka, 2021.}

Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. Ocherk grammatiki ehvenskogo (lamutskogo) yazyka. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. {V. I. Tsintsius. Essay on the grammar of the Even (Lamut) language. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.}